

Роза / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitарсу
написано kitарсу | 23 января, 2025
Роза / рассказ P03A

Две молодые женщины словно погребены под цветочным покровом. Они одни в просторном ландо, которое наполнено букетами, как гигантская жардиньерка. На переднем сиденье две корзинки, обтянутые белым атласом, полны фиалками из Ниццы; на медвежьей шкуре, прикрывающей ноги женщин, – груды роз, флердоранжа, мимоз, левкоев, маргариток и тубероз, перевязанных шелковыми лентами. Цветы как бы готовы раздавить два хрупких тела; из этого ослепительного и душистого ложа выступают только плечи, руки и часть корсажей, из них один голубой, другой сиреневый. Кнут кучера обвит анемонами, упряжь расцвела желтыми левкоями, спицы колес убраны резедой, а два огромных круглых букета, заменяющих фонари, кажутся диковинными глазами этого цветистого движущегося зверя.

Лошадь бежит крупной рысью, ландо катит по антибской дороге; ему предшествует, его преследует и сопровождает вереница других разукрашенных гирляндами экипажей, где женщины утопают в море фиалок. Это праздник цветов в Каннах.

Вот и бульвар Ла Фонсьер, где происходит бой цветов. Вдоль всей широкой аллеи взад и вперед, подобно бесконечной ленте, движется двойной ряд разукрашенных колясок. Из экипажа в экипаж перебрасываются цветами. Цветы пролетают в воздухе, как пули, ударяются о свежие лица, порхают и падают на пыльную мостовую, где их подбирает целая армия мальчишек.

На тротуарах выстроились плотными рядами любопытные, шумливо, но спокойно наблюдая зрелище, а конные жандармы грубо наезжают, теснят эту пешую толпу словно для того, чтобы не дать черни смешаться с богачами.

Из коляски в коляску перекликаются, раскланиваются, обстреливают друг друга розами. Колесница с хорошенькими женщинами, наряженными в красное, как чертенята, привлекает восхищенные взоры. Какой-то господин, удивительно похожий на

Генриха IV, с веселым задором бросает огромный букет, привязанный на резинке. Защищаясь от удара, женщины прикрывают рукой глаза, а мужчины наклоняют головы, но изящный и послушный снаряд, быстро описав кривую, возвращается к хозяину, который тотчас же кидает его в другую мишень.

Обе молодые женщины полными пригоршнями опустошают свой арсенал, и на них самих сыплется град букетов; наконец, после часа сражения, немного утомившись, они приказывают кучеру ехать по дороге вдоль моря к заливу Жуан.

Солнце исчезает за горной цепью Эстерель, на фоне огненного заката черным силуэтом вырисовываются ее зубчатые вершины. Спокойное море, голубое и ясное, сливается на далеком горизонте с небом; посреди залива стоит на якорях эскадра, словно стадо чудовищных животных, зверей Апокалипсиса, неподвижно застывших на воде, горбатых, покрытых панцирями, вздымающих мачты, легких, как перья, и сверкающих по ночам огненными глазами.

Молодые женщины, покоясь под тяжелым мехом, томно смотрели вокруг. Наконец одна из них сказала:

– Какие бывают чудесные вечера! И все тогда кажется прекрасным. Не правда ли, Марго?

Та ответила:

– Да, хорошо бывает. Но всегда чего-то недостает.

– Чего же? Я чувствую себя вполне счастливой. Мне ничего не нужно.

– Нужно. Но ты об этом не думаешь. В каком бы блаженном покое ни пребывало наше тело, мы вечно хотим чего-то еще... для души.

Первая улыбнулась:

– Немного любви?

– Да.

Они умолкли, глядя куда-то вдаль; потом та, которую звали Маргаритой, прошептала:

– Без этого жизнь кажется мне несносной. Мне нужно, чтобы меня кто-то любил, ну, хотя бы собака. Впрочем, все мы, женщины, такие, что ни говори, Симона.

– Да нет же, дорогая. Лучше, чтоб меня никто не любил, чем любил первый встречный. Ты думаешь, мне было бы приятно

сознавать, что в меня влюбился, ну, скажем... ну...

Окидывая взором обширный пейзаж, она перебирала в уме, кто бы мог в нее влюбиться. Наконец ее взгляд упал на две металлические пуговицы, сверкавшие на спине кучера, и она договорилась, смеясь:

– ...мой кучер.

Г-жа Марго чуть улыбнулась и тихо произнесла:

– Уверю тебя, очень забавно быть любимой простым слугою.

Это случилось со мною два – три раза. Они начинают так забавно тарашить глаза, что можно умереть со смеху. Разумеется, чем больше они влюблены, тем строже с ними обращаешься, а потом, в один прекрасный день, под каким-нибудь предлогом выгоняешь их вон – ведь если кто-нибудь это заметит, окажешься в смешном положении.

Г-жа Симона слушала, устремив вдаль неподвижный взгляд, потом сказала:

– Нет, положительно сердце моего выездного лакея не удовлетворило бы меня. Но расскажи, как ты замечала, что в тебя влюблены?

– Я замечала это у них так же, как и у других мужчин: они начинали глупеть.

– Мужчины вовсе не кажутся мне такими уж глупыми, когда влюблены в меня.

– Да нет, право, они становятся идиотами, дорогая; они лишаются способности говорить, отвечать, понимать что бы то ни было.

– Ну, а что ты сама ощущала, зная о любви лакея? Ты была... растрогана... польщена?

– Растрогана? Нет? Польщена? Да, немного. Любовь мужчины, кто бы он ни был, всегда льстит,

– Что ты, Марго!

– Конечно, дорогая. Да вот я расскажу тебе одно необыкновенное приключение, случившееся со мной. Ты увидишь, как любопытно и как сумбурно то, что происходит иногда в нашей душе.

Осенью будет четыре года с тех пор, как я однажды очутилась без горничной. Я нанимала для пробы пять – шесть, одну за другою, но все они не годились, и я уже прямо отчаялась

подыскать себе что-нибудь подходящее, как вдруг прочла в газете объявление, что молодая девушка, умеющая шить, вышивать и причесывать, ищет место и может представить лучшие рекомендации. Вдобавок она говорила по-английски.

Я написала по указанному адресу, и на следующий день эта особа явилась. Она была довольно высокого роста, тонкая, намного бледная, очень застенчивая на вид. У нее были прекрасные черные глаза, прелестный цвет лица; она сразу же мне понравилась. Я спросила ее рекомендации; она подала мне письмо, написанное по-английски, по ее словам, она только что ушла от леди Римуэлл, у которой прослужила десять лет.

Рекомендация подтверждала, что девушка уволилась по собственному желанию, чтобы вернуться во Францию, и что за все время продолжительной службы ее можно было упрекнуть лишь в известной доле «французского кокетства».

Целомудренный оттенок английской фразы вызвал у меня легкую улыбку, и я тотчас же наняла горничную.

Она в тот же день поступила ко мне, ее звали Розой.

Месяц спустя я просто обожала ее.

Это была истинная находка, жемчужина, чудо природы.

Она умела причесывать с бесконечным вкусом, укладывала кружева на шляпке лучше самых искусных модисток, умела даже шить платья.

Я была поражена ее способностями. Никогда еще мне так не угождали.

Она одевала меня быстро, и руки ее были удивительно легкими. Я никогда не ощущала ее пальцев на своей коже, а ничто мне так не противно, как прикосновение рук горничной. Вскоре я страшно разленилась... так мне было приятно, что меня одевала с головы до ног, от рубашки до перчаток, эта робкая высокая девушка, которая вечно краснела и никогда не произносила ни слова. Когда я выходила из ванны, она растирала и массировала меня, а я тем временем дремала на диване. Право, в этой девушке из низшего общественного слоя я видела скорее подругу, чем простую служанку.

Но вот однажды утром швейцар таинственно попросил разрешения переговорить со мною. Я была удивлена, но велела его впустить.

Это был очень надежный человек, старый солдат, бывший денщик моего мужа.

То, что он собирался сказать, казалось, смущало его. Наконец он проговорил, запинаясь:

– Сударыня, внизу дожидается полицейский комиссар.

Я резко спросила:

– Что ему надо?

– Он хочет произвести в доме обыск.

Полиция, конечно, полезна, но я ее ненавижу. Я считаю, что это неблагородное занятие. Меня это оскорбило, и я ответила сердито:

– Какой обыск? По какому случаю? Не пускать.

Швейцар возразил:

– Он говорит, что у нас скрывается преступник. Тогда я испугалась и велела привести полицейского комиссара, чтобы лично объясниться с ним. Это был довольно воспитанный человек, с орденом Почетного легиона. Он извинился, попросил прощения, а потом подтвердил, что среди моих слуг есть каторжник!

Я была возмущена, я заявила, что ручаюсь за всю свою прислугу» и стала всех перечислять.

– Швейцар Пьер Куртен, бывший солдат.

– Не он.

– Кучер Франсуа Пенго, крестьянин из Шампани, сын фермера моего отца.

– Не он.

– Конюх, тоже из Шампани, тоже сын крестьянина, из семьи, известной мне лично, наконец, выездной лакей, которого вы только что видели.

– Не они.

– В таком случае, сударь, признайте, что вы ошиблись.

– Простите, сударыня, я уверен, что не ошибаюсь. Так как речь идет об опасном преступнике, не откажите в любезности вызвать сюда всю вашу прислугу.

Сначала я воспротивилась, потом уступила и велела созвать всех слуг, и мужчин и женщин.

Полицейский комиссар окинул их беглым взглядом, потом сказал:

– Здесь не все.

– Простите, сударь, остается только моя горничная, девушка, которую уж никак нельзя спутать с каторжником.

Он спросил:

– А могу я повидать ее?

– Разумеется.

Я позвонила, и Роза тотчас же явилась. Едва она вошла, как комиссар подал знак, и двое мужчин, которых я не видела, – они прятались за дверь, – накинулись на нее, схватили и связали ей руки веревкой.

Я вскрикнула от негодования и хотела броситься на ее защиту. Комиссар остановил меня:

– Сударыня, эта девушка – переодетый мужчина по имени Жан-Никола Лекапе, осужденный в 1879 году за изнасилование и убийство. Смертная казнь была ему заменена пожизненным тюремным заключением. Четыре месяца тому назад он бежал. С тех пор мы его разыскиваем.

Я была потрясена, обезумела. Я не верила. Комиссар продолжал, смеясь:

– Могу представить вам только одно доказательство: правая рука у него татуирована.

Засучили рукав. Так и оказалось. Полицейский позволил себе шутку довольно дурного тона:

– Что касается прочих доказательств, поверьте нам на слово.

И мою горничную увели!

Так вот, поверишь ли, во мне преобладал не гнев, что меня удалось провести, обмануть, поставить в смешное положение, не стыд, что меня одевал, раздевал, вертел во все стороны и касался мужчина, а чувство... глубокого унижения... унижения женщины. Понимаешь?

– Нет, не совсем.

– Ну как же... Подумай... Он, этот юноша, был осужден... за изнасилование... Так вот, я думала... о той, которую он изнасиловал... и это... это меня оскорбляло... Вот... Понимаешь теперь?

Но г-жа Симона не отвечала. Она смотрела прямо перед собой, впериw пристальный и странный взгляд на две блестящие пуговицы кучерской ливреи, и улыбалась той загадочной улыбкой, которая

появляется иногда на лице женщины.

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 29 января 1884 года под псевдонимом Мофриньёз.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 4. МП «Аурика», 1994

Перевод Е.Гунст. Некаўалар